

Е. С. Буркова
г. Одесса

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КРИТИЧЕСКИХ ПОИСКОВ Л. ШЕСТОВА

Розглядається роль російської літератури XIX ст. в інтерпретаційній практиці критика, зокрема, аналізуються тексти Л. Шестова про М. Лермонтова, Ф. Достоевського та інших.

Ключові слова: критика, реценція, російська література, контекст.

Рассматривается роль русской литературы XIX века в интерпретационной практике критика, в частности, анализируются тексты Л. Шестова о М. Лермонтове, Ф. Достоевском и других.

Ключевые слова: критика, реценция, русская литература, контекст.

The article considers the problem of defining the of Russian literature of the XIX century in the practice of interpretive criticism, in particular, examines texts L. Shestov of M. Lermontov, F. Dostoevsky etc.

Key words: criticism, reception, Russian literature, context.

В 1834 году в статье «Литературные мечтания» [2] В. Белинский поставил вопрос о содержании понятия «литература» и указал на разнообразие подходов к решению данной проблемы. С одной стороны, критик указывает на сторонников точки зрения о том, что «литература – это весь круг умственной деятельности того или иного народа, проявившийся в письменности» [2, с. 29]; с другой стороны, «это собрание известного числа изящных произведений» [там же], которые являются образцами. Подводя итог своих размышлений, В. Белинский указывает, что литература – «это собрание художественно-словесных произведений, которые суть плод свободного вдохновения, выражающего дух народа до сокровеннейших глубин и биений» [там же]. По мнению В. Белинского, Державин, Пушкин, Грибоедов и Крылов – главные представители русской литературы, в творчестве которых проявились народность (как «верность изображения картин русской жизни» [2, с. 37]), психологизм и вымысел (как изображение противоречивых характеров в вымышленном художественном мире). Таким образом, В. Белинский связывает понятие «литература» с художественностью, которое, по мнению А. Слюсаря, проявляется в индивидуализации, вымысле, психологизме, эстетизации, особой роли автора [4]. Е. Черноиваненко также указывал на данные особенности художественной литературы [6].

В XXI веке осмысление понятия «литература» стало одной из наиболее актуальных литературоведческих проблем. С нашей точки зрения, данная многовекторность связана с множеством методологических подходов, каждый из которых предлагает свою дефиницию, а также с активной интеграцией различных наук (литературоведение и синергетика,

литературоведение и психолингвистика, литературоведение и социология и др.). Так, например, Э. Касперский определяет художественную литературу как «совокупность продуктивных в её истории архитектур (предшествующих произведений), которые влияют на свойства других текстов, а также на представление о литературности» [5, с. 97]. Как видим, исследователь даёт определение, используя диахронический подход, интертекстуальные особенности текстов, диалогичность как свойство не только отдельного произведения, но и группы текстов. Учёный отмечает, что литература является антропологическим феноменом, поскольку не существует без категорий «автор», «читатель». Лукаш Врубель определяет понятие «литература» в рамках герменевтического подхода: «Герменевтика – это практика понимания текстов, совокупность правил и процедур, которые определяют принципы их интерпретации» [5, с. 117]. Исследователь связывает литературу с толкованием текстов, выявлением новых смыслов. Представители русского формализма (В. Шкловский, Р. Якобсон, Ю. Тынянов) указали на то, что важными в определении литературы являются не только внутренние литературоведческие проблемы в произведении, законы его существования (психологизация, эстетизация и др.), но и понятие «контекста», объединив, таким образом, диахронических и синхронических подходы. Под контекстом литературоведы понимали «предыдущие произведения, на фоне которых возникает новый вариант» [5, с. 281]. В. Зинченко в работе «Литература и методы её изучения. Системно-синергетический подход» отмечает, что «художественная литература – это система сложных взаимоотношений между автором, традицией, произведением, реальностью и читателем; это большая саморегулирующаяся система, состоящая из ряда элементов» [3, с. 100]. Исследователь опирается при определении понятия «литература» на работы Д. Лихачёва, Н. Конрада, И. Неупокоевой и др.

Как видим, множественность современных подходов к определению содержания понятия «литература» не даёт возможности создания однозначной дефиниции. Что касается литературной критики Л. Шестова, то правомерным является замечание Э. Бальбурова о том, что русскую философию он отождествлял с русской литературой. Синкретичное начало, с нашей точки зрения, является характерным для мироощущения критика. Причиной такого «неделимого» восприятия стало и качественно новое осмысление понимания как универсального способа освоения мира, вместившего в себя практическую, теоретическую и художественную деятельность, и мышление, которое уже определяется в своей событийности, что даёт возможность новых интерпретаций художественного текста. В этом плане для Л. Шестова значимыми в русской литературе являются Ф. Достоевский и М. Лермонтов как писатели-психологи, раскрывающие в своём творчестве пограничные и кризисные ситуации. В анализе данной проблемы в литературоведческом ракурсе и заключается научная новизна и цель работы.

Образ Ф. Достоевского становится для Л. Шестова точкой опоры, именно в его творчестве критик находит подтверждение многим положениям своей экзистенциальной парадигме. В работе «Достоевский и Ницше» Л. Шестов актуализирует значимость Ф. Достоевского, чьё авторское сознание, с его точки зрения, – это сознание бунтующего художника: «Уже то обстоятельство, что стали возможны *учителя* [курсив авторский. – Е. Б.] вроде Достоевского и Ницше, проповедующие любовь к страданию были только детскими грёзами. Трагедии из жизни не изгонят никакие общественные переустройства, и, по-видимому, настало время не отрицать страдание <...> а принять их, признать и, быть может, наконец, понять» [7, с. 78]. Думается, что Ф. Достоевский интересовал Л. Шестова не только как писатель, но и как человек, в жизни которого имели место трагедия (арест членов петрашевцев, смертный приговор, отмена казни в последний момент), состояние пограничности между жизнью и смертью (например, увлечение азартными играми, моделирующими ситуацию «жизнь-смерть»). Теория отчаяния и трагедии нашла своё подтверждение в жизненном пути писателя, потому Ф. Достоевский стал ярким примером художника духовного типа, который приходит к пониманию бунта Абсурда.

Значимой для Л. Шестова при анализе романов Ф. Достоевского становится проблема автора. Б. Корман отмечает, что «люди в романах Достоевского смотрят друг другу в глаза и обмениваются сущностями» [6, с. 30]. Именно эта особенность, с точки зрения Л. Шестова, стирает явную грань между персонажами и автором как «носителем концепции произведения» [6, с. 31], то есть всех отдельных смыслов, идей. В критике Л. Шестова романы Ф. Достоевского – результат мучительного опыта самого писателя. Все идеи, жившие в сознании Ф. Достоевского, получили своё воплощение в героях, каждый из которых – «материализовавшаяся идея, крах которой означает гибель личности» [6, с. 32].

Таким образом, с точки зрения Л. Шестова, каждый раз, когда личность героя разрушается, происходит акт гибели автора, который в последующем возрождается в новой идее. В данном контексте Л. Шестов придерживается точки зрения о том, что автор многогранен в своих героях, его сознание – это макрокосм, включающий микрокосмы сознаний героев. Эта позиция тесно связана с концепцией полифонического романа и теорией диалогичности М. Бахтина. Л. Шестов, анализируя романы Ф. Достоевского, отмечал явления «внеаходимости», «внутриаходимости» и «преднаходимости» автора (ещё не называя данные явления соответствующими терминами). О *внеаходимости* Л. Шестов ведёт речь, когда обращается к проблеме «автор и герой». Критику близка точка зрения о том, что писатель как «художник не вмешивается в событие как непосредственный участник его <...> он занимает существенную позицию вне события, как созерцатель, незаинтересованный, но понимающий ценностный смысл совершающегося...» [7, с. 405]. Но, в отличие от М. Бахтина, для Л. Шестова данная позиция лишь отправная точка «вживания» автора в своих героев. Более важную роль в концепции критика играет *внутриаходимость* автора (которая возможна лишь после

внезапно), когда Ф. Достоевский пребывает в своём произведении, «осуществляет себя по его законам» [7, с. 38].

Таким образом, Л. Шестов представил систему взаимоотношений автора и героя, выделив несколько этапов. Первый этап связан с общей концепцией писателя. Это «философия жизни» (когда писатель существует как моралист, т. е. Ф. Достоевский до «Записок из подполья»). Второй этап можно определить как «философию трагедии» (экзистенциальный порыв, переоценка бытия и себя в нём, ощущение онтологического одиночества). Третий – это «философия веры» (человек стоит перед лицом Бога). В исследовании периода после помилования Ф. Достоевского и каторги Л. Шестов вводит категории «абсурд» и «хаос». Абсурд трактуется критиком как осознание себя в мире Божественного, парадоксального и трагического. Хаос в данном мире является главной структурообразующей связкой, которая предполагает абсолютный отказ от мира знания, норм и морали: это способность преступника, убийцы, насильника покаяться. В состоянии космоса такое покаяние невозможно, поскольку преступник как человек ограничен законами зла, в которых он существует и из которых вырваться не может и не желает. Сочетание Абсурда и хаоса приводит Ф. Достоевского к осознанию того, что «...вместо смерти <...> свет» [14, с. 106]. Л. Шестов определил это так: «...глядеть на самые страшные ужасы – и не терять веру в Бога» [14, с. 105]. В связи с этим критик выделяет три возможных пути человека:

от человека быта – к Богу (святые, мученики);

от человека быта – к Зверю (Ф. Ницше);

от человека быта – к Богу через Зверя (Ф. Достоевский, С. Кьеркегор, Г. Ибсен и др.).

Л. Шестов размышляет о том, что человек Ф. Достоевского не в силах предвидеть свой путь. Одним дано ощутить Божественную благодать без *проживания трагедии*, признав себя ничтожными и греховными; другие проживают трагическую жизнь, полную испытаний (не только физических, но и духовных), и приходят к безумию, к стене, которую не в силах преодолеть. Третий тип пути означает для критика переход в сферу Божественного через безумие. В творчестве Ф. Достоевского – это герои-идеологи, которые впоследствии отказываются от своей теории и приходят к вере, например, Раскольников. Этот человек «“вне себя”, он мчится вперёд, сам не зная, куда; он ждёт, сам не зная, чего» [13, с. 20]. Именно романы Ф. Достоевского, в которых проявляется такой тип героя, стали главным объектом исследования Л. Шестова. В этом контексте обращается критик и к личности М. Лермонтова. Говоря о смерти как примиряющем всех людей факторе, Л. Шестов отмечает, что «неполная радость жизни» важнее бессмертия, поскольку и бессмертие, и блаженство, и вечность не смывают воспоминаний о позоре пережитого существования и не могут заменить радости, которых человек был лишён. Слова из поэмы М. Лермонтова «Демон»: «Я позавидовал невольно неполной радости людской» Л. Шестов использует в качестве подтверждения своей концепции жизни как главного

источника литературы. Для критика творчество поэта значимо как мучительное осознание своего бессилия в пределах рациональной жизни. Жизненный путь этого поэта также становится примером трагического миропереживания (ссылка на Кавказ, участие в военных действиях, трагическая любовь, ранняя гибель). В работе «Апофеоз беспочвенности» Л. Шестов отмечает, что главное в лирике поэта – устремлённость к свободе, открытость перед отчаянием.

Таким образом, обращение к Ф. Достоевскому и М. Лермонтову не случайно. Л. Толстой, с точки зрения Л. Шестова, не смог бы заменить в данном контексте ни одного из них, поскольку концепция его не была наполнена (хотя и имела зачатки) трагизмом мироощущения. Жизненные пути Ф. Достоевского и М. Лермонтова нашли отражение в их произведениях. Здесь практика (жизнь) легла в основу теории (творчества), к чему и призывал Л. Шестов, говоря о необходимости создания литературы «бродягами». С точки зрения Хайдеггера, только проживая можно постичь истину, заложенную в ежедневном постижении смысла мира. Чувственный опыт важнее в постижении истины, чем теории и законы, созданные рационально. Под «бродягами» Л. Шестов понимал писателей, которые не боятся погрузиться в глубины быта и бытия, раскрыть сложные механизмы существования человеческой души. Исследование значения русской литературы XIX в. в критической системе Л. Шестова является актуальным в современном литературоведении и представляет интерес для дальнейшего изучения.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М. Автор и герой в эстетической деятельности / М. Бахтин. – М. : Наука, 1989. – 189 с.
2. Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу / В. Г. Белинский // Собр. соч.: в 9 т. – М. : Худож. лит-ра, 1976–1982. – Т. 3.
3. Зинченко В. Литература и методы её изучения. Системно-синергетический подход / В. Зинченко, В. Зусман, З. Кирнозе. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 280 с.
4. Слюсарь А. Методія / А. Слюсарь ; отв. ред. Н. Раковская. – Одесса : Астропринт, 2009. – 584 с.
5. Уліцька Д. Література. Теорія. Методологія / Д. Уліцька. – К. : Вид. дім «Києво-Могилянська акад.», 2006. – 543 с.
6. Черноиваненко Е. Литературный процесс в историко-культурном контексте / Е. Черноиваненко. – Одесса : Маяк, 1997. – 712 с.
7. Шестов Л. Киркегард и экзистенциальная философия / Л. Шестов. – М., 1930. – 155 с.
8. Шестов Л. Достоевский и Ницше (философия трагедии) / Л. Шестов. – М. : АСТ ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – 238 с.

Надійшла до редколегії 25.04.2013 р.